ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Шайдурова Владимира Николаевича «Формирование и социально-экономическое развитие европейских общин в Западной Сибири в условиях общественных трансформаций XIX - начала XX в.», представленной на соискание ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история

Интенсивные миграционные процессы, которые стали одной из непременных характеристик постиндустриального общества, при нечеткой и непоследовательной миграционной политике, отсутствии у представителей «новых» этносов внутренней культуры, умения (или желания) принять чужие духовные ценности и готовности интегрироваться в совершенно иной по этническим характеристикам социум создают напряженность, а часто и конфликтность в межэтнических отношениях. Между тем история демонстрирует богатый опыт адаптации разных этнических групп к иноязычному и иноконфессиональному окружению, результатом чего стала органичная инкорпорация мигрантов в принимающее общество. Изучение этого опыта в разное время и на разных территориях всегда остается актуальным, тем более в этнически гетерогенном государстве, а Сибирь является очень удачной исторической площадкой для такого рода исследования. Колонизационный регион, переживший несколько миграционных волн; территория, сформировавшая особую историческую общность – сибиряков, отличающихся по своим экономическим, бытовым и психологическим характеристикам от социумов других территорий, даже при схожем этническом составе, представляет собой классический вариант успешной взаимной интеграции разных социокультурных типов. Поэтому данное исследование, что называется, в тренде, и его своевременность не подлежит сомнению. Можно только приветствовать поставленную автором

цель провести компаративный анализ процесса формирования, численного, организационного и экономического укрепления трех этнических общин, при разных обстоятельствах сформировавшихся в Западной Сибири, на протяжении длительного (свыше столетия) хронологического периода. Сквозной анализ одних и тех же параллельно происходящих явлений применительно ко всем трем общностям, возможность выделить общие тенденции и особенные характеристики, определенные правовыми возможностями и устоявшимися традициями каждого из изучаемых этносов, делает его особенно ценным. Интересна форма подачи исследовательского материала: автор ведет разговор с собеседником, которого он хорошо «видит», провоцирует на научный спор, ставит вопросы, приводит аргументы. Ощущение присутствия при научной дискуссии не покидает все время прочтения диссертации.

Структура диссертационного исследования – введение, четыре главы (14 параграфов), заключение, библиографический список диссертации, приложения – логична и соответствует поставленным во введении исследовательским задачам. Порядок выстраивания материала дает возможность проследить весь путь закрепления в Сибири трех изучаемых этнических общностей (немцев, поляков, евреев) – от анализа их правового положения, позволяющего/вынуждающего осесть на сибирской территории, до определения и занятия ими собственной экономической ниши, дающей возможность получать стабильный доход.

Характеристика методологической базы диссертации близка к совершенству. В.Н. Шайдурову удалось преодолеть формальность в ее определении, которой грешат даже докторские диссертации, обстоятельно раскрыть сущность теории модернизации, колонизации, фронтира, адаптации, социальной стратификации применительно к своему исследовательскому материалу и дать детальную разработку каждого исследовательского метода при систематизации и анализе источниковой базы. Хронологические и

территориальные рамки исследования обоснованы убедительно и не вызывают возражений. Однако хотелось бы более четкого определения выбора автором именно данных этнических общин. «Единство исторических судеб», «сходный тип хозяйственной деятельности», «исторически сформировавшиеся ценности и нормы» и уж тем более «оторванность от материнского этноса» (последнее характерно для всех диаспор) не кажется нам достаточным аргументом. Во-первых, разница правового положения не дает оснований для утверждения о единстве исторических судеб, по крайней мере, на начальном этапе. Во-вторых, сравнение этнических общин, кардинально отличающихся и по способам интеграции в сибирский социум, и по их роли в новом для них социально-экономическом пространстве, в научном плане не менее интересно и поучительно.

Первая глава диссертации «История изучения и источники по истории немецкой, польской и еврейской общин Западной Сибири XIX - начала XX в.» традиционно посвящена историографическому и источниковедческому анализу. Ввиду разноплановости историографического материала автор выбрал проблемно-хронологический принцип его рассмотрения. Первый параграф посвящен дореволюционной историографии изучаемых общин в Западной Сибири. Определение российской этнической политики в форме «вопросника» («польский вопрос», «еврейский вопрос», «славянский вопрос») потребовало от автора структурирования литературы в соответствии с объективными условиями, которые вызывали всплеск интереса к той или иной этнической общности (реформы по отношению к выходцам из других государств; земледельческая колонизация; национально-освободительное движение в Царстве Польском, еврейские погромы конца XIX – начала XX вв.), и анализа степени ее зависимости от царивших в обществе настроений, которые выступали в качестве своего рода социального заказа. Диссертант объясняет интерес профессиональных историков, юристов и публицистов к национальному вопросу процессом модернизации, который переживало

российское общество с середины XIX в., и выявляет тенденции в изучении этнических общин: от «знакомства» и создания позитивного образа «экзотических» этнических групп к необходимости с большей или меньшей степенью радикализма разобраться с «еврейско-немецким засильем» и решить пресловутый «национальный вопрос». Отдельным сегментом параграфа стала литература по Сибири с иной, нежели в европейской России, интонацией в силу толерантности сибирского общества, признававшего заслуги переселенцев в экономическом и культурном развитии края. Второй параграф первой главы посвящен советской историографии изучаемой проблемы. Диссертант справедливо разделил его на два периода: первый, не испорченный «классовым подходом», с попыткой объективно рассмотреть историю европейских общин на основе фактического материала; второй, когда представители нетитульных наций оказались на «обочине истории», а их изучение стало чуть ли не «маргинальным» направлением. Деление на друзей и врагов по идеологическому принципу обеспечивало всплеск интереса к тому или иному этносу, причем региональная история, в разных аспектах которой проявилась «национальная» тема, порой была более продуктивной, нежели столичная. Третий параграф посвящен современной историографии проблемы, которая в постсоветский период пользуется стойким интересом со стороны научного сообщества. Реконструкция всех сторон жизни национальных меньшинств историками, разделившими между собой «сферы влияния», постепенно сменилась исследованиями проблемно-хронологического плана и систематизацией накопленного материала в справочниках и историографических обзорах. Однако, как справедливо отмечает В.Н. Шайдуров, межрегиональные компаративные исследования, а также рассмотрение истории той или иной этнической группы в контексте развития региона еще нечасты, и это перспективное направление требует дальнейшей разработки.

Отдавая должное проведенному автором всестороннему анализу современной отечественной литературы по избранной проблематике, хотим, тем не менее, остановиться на двух моментах. Во-первых, при оценке работы предшествующих исследователей принято отмечать их вклад в развитие источниковой базы проблемы. Крайне редкое обращение диссертанта к работам своих коллег при анализе источников производит впечатление «холостого выстрела» этих работ, не давших автору источникового «задела» для последующих обобщений. Между тем, им принадлежит заслуга первого обнародования некоторых используемых в диссертации источников: статистических по истории еврейской общины Енисейской, Иркутской губерний и г. Каинска; архивного материала по еврейской земледельческой колонизации 1836 г. и правоспособности еврейского населения Сибири (права передвижения). Использование источников со ссылкой на первооткрывателей отнюдь не лишает диссертанта права собственной интерпретации уже введенных в научный оборот документов. Во-вторых, позволим себе не согласиться с утверждением автора об отсутствии межнациональных сравнительных построений в разных сферах (с. 105). К сожалению, им осталась незамеченной успешная попытка таких построений в правовой сфере, предпринятая бурятскими учеными. В двухтомном труде «Этническая и национальная политика государства в Бурятии (XIX – начало XXI в.)» (сборник статей и сборник документов) общим объемом 70 п.л., изданном в Улан-Удэ в 2007-2008 гг., проведен сравнительно-исторический анализ положения аборигенного населения Западного Забайкалья, русского старожильческого населения и этнических меньшинств как объектов государственного законотворчества на протяжении двух столетий. Факт в исторической науке, действительно, нечастый, что только повышает его значимость.

В четвертом параграфе первой главы анализируется зарубежная литература, отражающая формирование и деятельность еврейской, немецкой и польской общин. Ограниченный доступ к источникам и порой излишнее акцентирование

имперской направленности российской/советской этнической политики препятствовали объективному взгляду на проблему, однако зарубежная историография внесла свой вклад в реконструкцию социально - экономической истории общин в России, в т.ч. и в Сибири. Несомненной заслугой диссертанта является глубокое проникновение в традиции зарубежных исследователей в изучении этнических общин: этот сегмент историографического анализа редко выделяется в самостоятельный параграф. Последний параграф главы посвящен источниковедческому анализу. Диссертант использует весь комплекс источников, дает ему грамотную классификацию по их типу, полноте, степени достоверности и информационной насыщенности; детально анализирует нормативно-правовую документацию, делопроизводственные и статистические источники, периодическую печать, воспоминания. Данные статистических комитетов подкрепляются, уточняются и конкретизируются цифрами полицейской и отраслевой статистики, материалами городских однодневных переписей, церковного учета, посемейных списков. Основу источниковой базы диссертации составили материалы 41 фонда шести центральных, региональных и зарубежных архивов, многие из которых впервые введены в научный оборот.

На наш взгляд, автор недооценил «Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь», издававшийся в Томске. В диссертации использованы его данные лишь за три года, тогда как календарь издавался на протяжении двух десятков лет. Публикуемые в нем списки предприятий с указанием их профиля и фамилии владельца могли бы подтвердить (скорректировать, дополнить) выводы автора о степени влияния той или иной этнической группы в разных отраслях экономики на всей сибирской территории.

Вторая глава «Правовое положение еврейской, немецкой, польской общин в XIX - начале XX вв.» посвящена анализу их гражданско-правового положения и его влиянию на их хозяйственную жизнь в Западной Сибири. В первом параграфе «Российское законодательство и его влияние на

формирование европейских общин в XIX – начале XX вв.» анализируется содержание законодательных актов, определивших генезис изучаемых общин на территории Российской империи в целом и в Сибири в частности в указанный период. Автор начинает исследование вопроса с документов, регламентировавших въезд иностранцев в Россию, анализирует различие в обстоятельствах их оседания в империи: приезд немцев по «призыву» государственной власти и «приобретение» Россией поляков и евреев как «побочного продукта» присоединенных территорий. Диссертант проследил тенденции изменения в законодательстве, которые привели указанные этнические группы к поселению в Сибири и образованию там более или менее постоянных этнических групп – основу будущих общин, а также зависимость этих тенденций от внешних (восстания, войны) и внутренних (социально-экономическое развитие и общественные настроения) обстоятельств. Второй параграф «Гражданско-правовой статус представителей еврейских, немецких, польских общин в Западной Сибири в XIX - начале XX вв.» анализирует динамику законодательства, определявшего правовой статус изучаемых этнических общностей, в «единстве противоположностей: усиление их прав и ограничение правоспособности в зависимости от этнической принадлежности и обстоятельств приезда в Сибирь.

Третья глава «Еврейская, немецкая, польская общины Западной Сибири: источники формирования и размещение в регионе в XIX - начале XX вв.» посвящена процессу формирования общин в разные хронологические периоды. Первый параграф показывает особенности этого процесса в дореформенный период. Автор определяет в основном принудительный характер польской и еврейской ссылки – в отличие от принципов формирования немецкого сибирского сообщества, пополнявшегося за счет добровольной миграции и естественного роста населения, и вносит коррективы в хронологию формирования немецких поселений в Сибири. К сожалению, Владимир Николаевич не использовал материалы фонда 1183 ГАРФ (Тобольский приказ

о ссыльных). Содержащиеся в нем статейные списки 1823 – 1825 гг. позволяют определить места «исхода» ссыльных и основные направления массовых миграционных потоков в Сибирь первой волны. Второй параграф посвящен особенностям формирования указанных общин в 1860 - 1880-е гг. Значительным источником их пополнения на этом этапе стала добровольная миграция, что отличает его от предыдущего периода, хотя ссылка продолжалась. В параграфе дается демографическая характеристика трех общин: динамика численности; сословная структура с определением ее зависимости от правового статуса той или иной этнической общности; принципы расселения. В третьем параграфе, посвященном особенностям формирования общин на рубеже XIX-XX вв., автор отмечает, что организационно они к этому времени уже оформились, и в дальнейшем изменения в основном касались их численных характеристик. Основным источником пополнения изучаемых общин в Западной Сибири в этот период стала добровольная (трудовая) миграция, обусловленная процессом модернизации экономики. К сожалению, за кадром остался сюжет о влиянии погромной волны начала XX в. на качественное изменение еврейской общины (в Восточной Сибири бежавшие от погромов весьма заметно изменили ее состав). Автором отмечен и рост политической ссылки как источника пополнения общин. В этом контексте весьма полезным стало бы обращение к статье Н.Н. Щербакова «Численность и состав политических ссыльных в Сибири (1907-1917 гг.)», опубликованной в первом выпуске сборника «Ссыльные революционеры в Сибири» (1973 г.), где исследователь анализирует динамику национального состава политических ссыльных. В последнем параграфе третьей главы «Первая мировая война и ее влияние на еврейскую, польскую, немецкую общины в Западной Сибири (1914 - 1917 гг.)» автором выявлено противоречивое развитие европейских общин, обусловленное реалиями военного времени: пополнение за счет новых источников (беженцы, выселенцы) и сокращение за счет призыва в армию и

эмиграции. В целом, отмечает диссертант, в течение всего исследуемого периода (XIX - начало XX в.) все три общины имели стойкую тенденцию к росту.

Последняя глава посвящена экономической жизни общин на протяжении всего рассматриваемого периода и определению их места в региональной экономике. В основе ее структуры также лежит хронологический подход. Первый параграф посвящен хозяйственной деятельности общин в дореформенный (1800-е - 1850-е гг.) период. Их занятия диктовались сложившейся экономической структурой и правовым положением, разрешавшим (или соответственно запрещавшим) той иной этнической группе различные занятия. Автор характеризует данный период как время формирования нового для региона явления – нерусского предпринимательства, определения этническими общинами собственных экономических ниш и накопления первоначального капитала. Второй параграф посвящен «национальному» предпринимательству в пореформенный период, когда численно окрепшие и прошедшие первоначальный процесс адаптации общины более активно включились в хозяйственную жизнь региона. Торгово-промышленная сфера, находившаяся в это время в стадии становления, давала новым общинам возможность обосноваться здесь без испытания жесткой конкуренцией. Национальное предпринимательство приобретает объемы и респектабельность, представители всех трех общин, будучи носителями капиталистических элементов в экономике, пополняют ряды сибирской буржуазии и одновременно принимают участие в формировании сибирской интеллигенции. Последний параграф главы посвящен экономической активности изучаемых общин в начале XX в. – на новом этапе, отсчет которому дала Транссибирская железнодорожная магистраль, повлекшая стремительную капитализацию Сибири. Автор показывает процесс изменения сферы деятельности общин, окончательно адаптировавшихся в крае; постепенное обретение ими роли «законодателей мод» в разных отраслях

региональной экономики; «капитализацию умов», научившихся извлекать прибыль из любого пользующегося спросом дела. В.Н. Шайдуров справедливо отмечает отсутствие на этом этапе четкой специализации, характерной для более ранних периодов, и размывание этнических границ в сфере экономики, продиктованное модернизацией сибирского общества. Глава, насыщенная фактологическим материалом и «населенная» людьми, дает возможность увидеть «блеск» и нищету» целых кланов. Некоторая излишняя, на наш взгляд, ее описательность оправдывается желанием исследователя поделиться почерпнутой в источниках информацией.

В заключении подведены итоги исследования и сформулированы выводы, к которым пришел автор в процессе работы над диссертационным сочинением. 75 приложений (наиболее интересные архивные документы, графики и диаграммы, показывающие динамику численности общин и уровень их социально-экономического развития) – «говорящие» и хорошо иллюстрирующие сказанное.

Диссертация дает несколько поводов для дискуссии. Обозначим некоторые из них. Дискуссионным, в частности, является вопрос о механизме принятия решений в иерархии власти (с. 80), который был, по нашему мнению, двусторонним. Знакомство генерал-губернаторского/ губернаторского звена власти с мнением нижестоящих и его учет (хотя и не всегда) при принятии окончательного решения были обычной практикой в Сибири, поскольку последние обладали более точной информацией «с мест». В частности, генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев пришел к выводу об ошибочности размещения ссыльных евреев отдельными поселениями после регулярных рапортов уездных исправников, подвергших аргументированной критике этот принцип и предлагавших селить евреев среди русских старожилов.

Автор усомнился в правильности тезиса о евреях-военнослужащих как основе зарождения общин (с. 84), однако он имеет под собой основания – по

крайней мере, в городах, где дислоцировались кантонистские подразделения. Хотя евреи появились в сибирских городах до распространения на них воинской повинности, община как оформленный социальный организм действительно во многом была заслугой бывших кантонистов, к примеру, в Томске и Иркутске, несмотря на их малочисленность, поскольку они были наиболее сплоченными и организованными носителями национальных традиций.

Оказавшиеся в составе Российской империи европейские народы не были включены в «инородческое население» (с. 156). Однако следует иметь в виду, что понятие «инородцы» не было величиной постоянной и за почти столетие претерпело значительные изменения. Если «классическое» понятие, закрепленное «Уставом об управлении инородцев» 1822 г., включало в себя кочевые и полукочевые коренные народы Сибири, то к началу XX в. категория «инородцы» в его неформальном использовании приобрела значение национального меньшинства и в различных контекстах стала обозначать нерусские народы империи, независимо от языковой и этнической принадлежности. В юридическом плане как объект законотворчества евреи «стали» инородцами уже в 1835 г., когда существовавшие на тот момент «еврейские» законы были сгруппированы в блок «Учреждение по управлению инородцев» в первом издании «Свода законов Российской империи». В последующих переизданиях «Свода законов» предписания, касающиеся евреев, соседствовали с таковыми, распространяющимися на «восточных инородцев». По мнению британского специалиста по истории российского еврейства Дж. Клиера, включение евреев в категорию «инородцев» имело целью их преднамеренное унижение и указание им места народа, которому еще предстоит «цивилизоваться», чтобы стать полноправными подданными империи. В зарубежной литературе целесообразность включения евреев в категорию «инородцев» служит предметом дискуссий, о чем на страницах диссертации не упоминается.

Спорным, на наш взгляд, является утверждение об «антипольском» характере законодательства по отношению к ссыльным польским повстанцам (с. 178). Репрессивное законодательство было направлено против «пораженных» сепаратизмом государственных преступников, каковыми они были в глазах власти, а их «польскость» была уже вторичной. Тем более что и сам диссертант оценивает польскую ссылку не как этническую, а как политическую (с. 176).

Дискуссионным является и тезис о расселении представителей изучаемых общин в зависимости от их статуса (с. 29). Не последнюю роль в определении места поселения играли преследуемые властью цели: изоляция или, напротив, скорейшая интеграция национальных меньшинств в местное сообщество. Концентрация ссыльных евреев и поляков в городах была уже их инициативой, продиктованной стремлением городского элемента воспроизвести привычный образ жизни.

Отметим, что дискуссионные моменты являются не столько недостатком, сколько достоинством научного сочинения, цель которого состоит в том, чтобы будить мысль, чего автор добился в полной мере.

Отмечая высокий уровень диссертации, считаем нужным сделать некоторые замечания.

1. Отдельные выносимые на защиту положения (зависимость состояния изучения вопроса от общественно-политической обстановки, формирование европейских общин в Сибири как результат массовых миграций) являются очевидными и в защите не нуждаются. На наш взгляд, в этом разделе отражаются только положения, несущие элемент дискуссионности.

2. Проведя сравнительный анализ правоспособности трех этнических групп, обстоятельств их приезда в Сибирь и способов экономической адаптации на ее территории, автор, тем не менее, рассматривает их автономно. Имели ли место процессы взаимного влияния этих групп в способах

хозяйствования и формировании образа жизни и в какой степени, остается не совсем понятным.

3. Отдавая должное глубине авторского сравнения отдельных сторон жизни общин с их функционированием в европейских губерниях России, вынуждены отметить почти полное отсутствие такого сравнения с Восточной Сибирью и Приморьем. Между тем, оно просто напрашивается. Во-первых, указанные территории близки с Западной Сибирью по географическим, демографическим и экономическим характеристикам. Во-вторых, на всех трех территориях указанные общины играли роль колонизационного ресурса. И, наконец, несмотря на это сходство, процессы формирования этнических общин на востоке империи, адаптационные стратегии польской и еврейской общин, их место в структуре региональной экономики, отношение власти к их организационному оформлению заметно отличались от таковых в Западной Сибири, что представляет большой исследовательский интерес. Для проведения такого рода сравнительного анализа очень полезны бы были не использованные в диссертации работы Е.В. Семенова, который на сегодня является единственным в Восточной Сибири исследователем польской диаспоры. Правда, немецкое сообщество в регионе совершенно не изучено, хотя обнаруженные нами в Иркутском архиве документы говорят о компактном поселении ссыльных немецкого происхождения в Яндинской волости Иркутской губернии. Но монография И.О. Сагитовой «Диаспорные общины Приморского края» (Владивосток, 2007) дает сравнительный анализ немецкой, еврейской и корейской общин в Приморье, и сопоставление ее данных с исследовательским материалом диссертанта, хотя бы по некоторым «замерам», украсило бы его работу.

4. Позволим себе не вполне согласиться с тезисом о том, что 1917 г. был временем первой идентификации по национальному признаку (с. 13). Несмотря на то, что метрические записи и паспорта, по которым царизм идентифицировал своих подданных, не включали национальный признак, уже

в начале XX в. империя все чаще стала обращаться к принципу национальности, оценив его устойчивость по сравнению с принципами сословности и вероисповедания, которые можно было легко изменить. С 1906 - 1907 гг. переписи городов наряду с конфессиональными характеристиками стали включать и национальные. (По данным этих переписей нам удалось реконструировать этническую картину некоторых городских обществ Забайкалья).

В диссертационном исследовании допущены некоторые неточности. Служба для евреев в качестве военных кантонистов была отменена не в период реформ армии в 1870-х гг. (с. 174), а в 1856 г., когда институт кантонистов был ликвидирован. После этого еврейские юноши начали нести рекрутскую повинность на общих основаниях, а при введении всеобщей воинской повинности – на общих же основаниях отбывать и ее. В кантонисты еврейские юноши попадали раньше обозначенного автором возраста (с. 312) – в 12 лет. Еврейские купцы 2 гильдии не имели права повсеместного жительства, как указывает диссертант (с. 328) – только купцы 1 гильдии. Воспоминания Новомейского (в лондонском издании «My Siberian Life») принадлежат не Абраму Новомейскому (с. 26, 479), а его сыну Моисею.

Сделанные замечания большей частью имеют рекомендательный или дискуссионный характер и принципиально не влияют на общее впечатление от проделанной автором работы. Впервые в отечественной историографии исследуется сравнительная история формирования отдельных европейских общин в российской провинции на (примере Западной Сибири) на протяжении длительного отрезка времени (XIX – начало XX вв.), определяется их место в экономической жизни регионального социума. Автору удалось преодолеть обычную для исследований такого рода «замкнутость на предмете» и рассмотреть динамику развития общин в трансформирующемся сибирском обществе. Принципиально новым является и исследование формирования

европейских общин в Западной Сибири в контексте мировой истории, во многом определившей тенденции их развития в России.

Блестяще владея всем комплексом научных методов, обладая редким умением видеть «биографию» источника и рассматривать каждый факт в контексте настоящих (и прошлых) событий, диссертант создал глубокое, серьезное, талантливое исследование, внесшее существенный вклад в развитие источниковой и теоретической базы проблемы, обладающее внутренней логикой и стройностью композиции, написанное с изяществом и мастерством. Основательность при рассмотрении каждой поднимаемой проблемы, трепетное отношение к мельчайшей детали, сопоставление данных, почерпнутых из разных источников, их грамотная и умелая верификация позволяют говорить о высокой степени вероятности нарисованной диссертантом картины.

Проведенное В.Н. Шайдуровым исследование вносит серьезный вклад в развитие сибирского регионоведения и, несомненно, займет достойное место в ряду работ, разрабатывающих этническую тематику. Авторская методика классификации крестьянских хозяйств уже оценена научным сообществом, методологическая часть диссертации может служить пособием для соискателей ученых степеней, а исследование процесса формирования национальных общин в контексте макрорегионального развития наверняка будет взято на вооружение исследователями этнической истории.

В диссертации нашли свое решение все поставленные исследовательские задачи, авторские гипотезы убедительно доказаны. Основные положения диссертации и автореферата совпадают.

Публикация 57 работ, в т.ч. 14 статей в российских и зарубежных научных журналах, включенных в международные реферируемые базы данных Scopus и Web of Science, 15 статей в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК, и трех монографий, получивших большой резонанс в научном сообществе; апробация основных положений диссертации на 25 конференциях

разного уровня доказывают, что к защите своего исследования диссертант подошел, в полной мере продемонстрировав свою научную зрелость.

Представленная диссертационная работа отвечает всем требованиям, предъявляемым ВАК к докторским диссертациям, а ее автор – Владимир Николаевич Шайдуров – безусловно, заслуживает присуждения искомой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02 – отечественная история.

Официальный оппонент – Кальмина Лилия Владимировна
доктор исторических наук
(07.00.02 – отечественная история), доцент

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук»,
отдел истории, этнологии и социологии,
ведущий научный сотрудник

Адрес: Российская Федерация, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
Тел. (3012) 43-35-51
E-mail: imbt@imbt.ru

28 октября 2016 г.

Подпись Кальминой Л.В.
Заверяю документовед
ИМБТ СО РАН
Бардуева
«28» октября 2016 г.